

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4 Вел)
Л25

Kieran Larwood
The Five Realms
The Legend of Podkin One-Ear
First published in 2016
by Faber & Faber Limited
Bloomsbury House

Иллюстрации *Дэвида Виатта*
Дизайн обложки *Анастасии Чаругиной*

Ларвуд, Киран.
Л25 Легенда о Подкине Одноухом : повесть / Киран Ларвуд ; пер. с англ. Е. И. Колябиной. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Пять королевств).

ISBN 978-5-17-114750-1

Белоснежное одеяло покрывает широкие склоны холмов, известных как Острый хребет.

Шурх-шорх. Шурх-шорх. Кто-то бредет по глубокому снегу, и звук тяжелых шагов далеко разносится в ночной тиши. В канун Куманельника, праздника зимнего солнцестояния, в нору под названием Торнвуд пришел бард. У него на плечах была только истрепавшаяся в странствиях одежда, а в голове бесчисленные сказания. И одно из них он приготовил для любопытных крольчат, которые притихли у очага в предвкушении рассказа.

Это история о Подкине Одноухом — кролике, ставшем таким великим, что о храбрости его вот уже многие века складывают легенды. Начинается она в заснеженном лесу, когда он, его сестра Паз и братишка Пик, оставшись без крова и родителей, бегут от самого жестокого врага в их землях. Избалованному и рассеянному Подкину предстоит собраться с духом, стать вождем и защитить свою семью.

ISBN 978-5-17-114750-1

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4 Вел)

Text © Kieran Larwood, 2016
Illustrations © David Wyatt, 2016
The right of Kieran Larwood and David Wyatt to be identified as author
and illustrator of this work respectively has been asserted
in accordance with Section 77 of the Copyright, Designs and
Patents Act 1988

© Колябина Е. И., перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Для Амели

Глава первая

Бард для Куманельника

Шурх-шорх. Шурх-шорх. Кто-то бредёт по глубокому снегу, и звук тяжёлых шагов далеко разносится в ночной тиши.

Пушистое белое одеяло укрыло цепь холмов, известную как Острый хребет. Лунный свет танцует на снежной глади, вспыхивая то тут, то там облаком искр, словно кто-то припорошил пейзаж бриллиантовой пылью. Ничто не нарушает его безмолвного великолепия — ничто, кроме цепочки следов, бегущей от холмов к спящему лесу в долине.

Шурх-шорх, шурх-шорх — сминают снег шаги того, кто прокладывает путь в ночи. Усталость давит ему на плечи, а длинный посох помогает брести через сугробы. Его можно принять за старика, но вот уже многие сотни лун на эти земли не ступала нога человека. Присмотрись — и ты увидишь, что перед тобой кролик, идущий на задних лапах, как некогда ходили люди; уши его скрыты под тяжёлым кожаным капюшоном, зорко вглядываются в застывший полночный мир хмурые глаза.

Густой мех на морде и лапах покрыт причудливыми синими узорами. Они выдают в нём барда — скитальца, у которого на плечах только истрепавшаяся в странствиях одежда, а в голове бессчётные сказания и песни, старые и новые, крепко сшитые и залатанные. Он хранит в своей памяти все истории, что ты когда-либо слышал — и ещё больше тех, что тебе только предстоит услышать.

Не тревожься, в эту морозную ночь он не останется без крова. Благодаря своему ремеслу бард — желанный гость в любой норе. Таков обычай и закон во всех Пяти королевствах Ланики, и горе тому, кто посмеет его нарушить.

Шурх-шорх, шурх-шорх. Из-под капюшона вырываются белые облачка пара. Навостри ушки — и услышишь, как кролик-бард сопровождает проклятиями каждый увязающий в снегу шаг. Тихо щёлкают пригревшиеся у него на груди деревянные бусины. Негромко вторят им закреплённые на поясе подвески и кошель.

Бард не останавливается ни на миг, словно опаздывает куда-то. Но куда? До самого горизонта лишь белеет снег и темнеют деревья. Впрочем, не стоит забывать, что речь идёт о кролике, а кролики живут под землёй, в тёплых норах, надёжно укрытых от льда и холода зимней ночи.

Так и есть. Наш бард бредёт через лес к тяжёлым дубовым дверям у подножия холма. За ними лежит нора Торнвуд, и хорошо бы её обитателям встретить барда с распостёртыми объятиями, иначе быть беде.

Бум, бум, бум! Он ударяет посохом о дверь и ждёт ответа.

В стародавние времена, когда кролики были крохотными и боялись собственной тени, они жили в узких тёмных лабиринтах, но за минувшие века их норы превратились в настоящие подземные города, скрытые от чужих глаз.

Бард знает, что там, за крепкими дубовыми дверями, прячутся уютные домашние норы и шумные рынки, мастерские и храмы, библиотеки и кладовые с припасами, а также дюжины кухонь, необходимых, чтобы прокормить местных жителей. Там его ждут солдаты и лекари, слуги и повара, кузнецы и ткачи, портные, гончары и художники. Старые кролики, юные кролики, бедные кролики и знатные кролики. Кроличья жизнь во всё её многообразии кипит в освещённых факелами туннелях. А сердце каждого подземного города — огромная пиршественная пещера с ревущим очагом и длинными рядами столов, где почти всегда звучит музыка, потому что кролики любят песни, гомон и веселье. Особенно в канун Куманельника, праздника зимнего солнцестояния, когда таинственный Полночный кролик приносит всем подарки.

Но какой же Куманельник без удивительных историй, рассказанных странствующим бардом? И бард непременно поведает их — если, конечно, его удосужатся впустить! *Бум, бум!* Он снова стучит в дверь и уже заносит посох в третий раз, когда из норы доносится приглушённое бормотание:

— Ладно, ладно, расшумелся. Иду я! — Кажется, неизвестный привратник добавляет пару нелестных замечаний о глупых кроликах,

которым не сидится дома в такую ночь, но слова вязнут в толстых дубовых досках. Наконец двери со скрипом открываются, на снег проливается факельный свет, и дюжий кролик-солдат высовывается из норы.

— Во имя Богини, а ты ещё кто такой? — бурчит он, оглядывая незнакомца.

В ответ из-под капюшона грозно сверкают бледно-зелёные глаза.

— Значит, вот как в Торнвуде встречают барда, который пришёл рассказывать сказки в канун Куманельника? Вот как здесь чтут обычаи и законы?

И хотя кролик-солдат похож на закованный в латы валун, от слов барда его охватывает мелкая дрожь.

— Простите, господин, — лепечет он и плечом распахивает дверь. — Прошу, входите и разделите с нами тепло очага в Ночь посередине зимы...

— Ночь *середины* зимы, репоголовый, — сердито поправляет его бард и заходит внутрь. Тяжёлые двери закрываются, и он отряхивает снег с плаща на чистый мощёный пол. — В какой там стороне очаг? — спрашивает он и, не дожидаясь ответа, решительно устремляется вперёд, словно бывал здесь сотни раз.

— Ночь середины зимы репоголовых — это ещё что такое? — озадаченно бормочет стражник и, спохватившись, спешит вслед за бардом.

Как все норы и отнорки выстраиваются вокруг главной пещеры, так и все кролики в подземном

городе объединяются вокруг вождя. Он — глава племени, каким был его отец до него и каким его сын станет после. Вождь с супругой принимают все важные решения в норе, улаживают споры и устраивают праздники.

В Торнвуде всем заправляет Хьюберт Широкий, могучий вислоухий кролик. На его громадном животе легко поместится целый дом! Сейчас он сидит на троне во главе пиршественного стола, положив уши на колени. На голове его красуется корона из куманики, а туника на необъятном пятнистом пузе того и гляди затрещит по швам. Хьюберт поёт развесёлую песню о том, как Полночный кролик застрял в норе, и маленькие крольчата покатываются со смеху у его ног. Когда в зале появляется бард, Хьюберт обрывает пение, встаёт и поднимает ему навстречу рог, полный вина.

— Приветствую тебя, бард! — кричит он так громко, что комья земли сыплются с потолка пещеры. — Приветствую в канун Куманельника!

— Так-то лучше, — ворчит бард, распахивая тяжёлый кожаный плащ. Капюшон остаётся у него на голове, но теперь отблески пламени танцуют на причудливых синих завитках, покрывающих лапы сказителя.

— Мы уж думали, ты не придёшь, — говорит Хьюберт. — Но канун Куманельника полон сюрпризов! Споёшь ли ты нам в обмен на ужин?

— Мой голос слишком стар и скрипуч для песен, — усмехается бард, присаживаясь к очагу и протягивая к огню озябшие пальцы. — Но, может

статься, вы уговорите меня поведать вам одну-две истории...

— Еды сказителю! Быстрее, быстрее! — кричит Хьюберт и машет ушами своим виночерпиям¹. Те срываются с места, чтобы вскоре вернуться с миской маслянистого супа из репы и тарелкой кукурузного хлеба. Бард вцепляется в угощение так, будто давно не ел досыта, и, проглотив всё до последней капли, вытирает рот лапой.

— Такой ужин заслуживает сказки, — произносит он, довольно щурясь. — Что бы вам рассказать?..

Крольчата кидаются к нему, наперебой выкрикивая:

— Расскажи про Беокрольфа!

— Про кроликов Круглого стола!

— Про Подкина Одноухого!

— Я не ослышался? Кто-то упомянул Подкина Одноухого? — спрашивает бард, поудобнее устраиваясь в кресле. — Подкина — Рогатого короля? Лунного следопыта? Подкина с волшебным клинком?

Крольчата радостно кивают, попискивая от волнения, а бард складывает лапы на груди и задумчиво дёргает себя за бороду.

— Я знаю о нём немало историй, но таких вы ещё не слышали. Я не буду рассказывать вам о том, как он зажигал огонь взглядом или голыми руками побеждал кроликов-гигантов. Нет, такого вы от меня не услышите.

¹ *Виночертий* — в старину: человек, подносящий напитки на пиру.

— А какие истории ты знаешь? О чём расскажешь? Почему не будет про огненный взгляд и гигантов?

— Мои истории другие, — неторопливо отвечает бард. — Потому что они — правда, от первого до последнего слова. И потому, что огонь взглядом зажигают только в сказках — и в фантазиях маленьких глупых кроликов.

Взмахом лапы бард призывает зал к молчанию — и начинает свой рассказ.

Глава вторая

Худший Куманельник в истории

Пожиралы. Пожалуй, сперва стоит рассказать вам о них.

В наши дни, хвала Богине, о Пожиралах остались лишь дурные воспоминания. Ими пугают непослушных крольчат, если те расшальятся. Но когда ваши бабушки и дедушки были молодыми кроликами, они жили в постоянном страхе перед этими жуткими всадниками, перед скрежетом железа в ночи и воем боевых рогов.

Пожиралы.

Никто в точности не знает, откуда они взялись. Поговаривают, что впервые их увидели у маленькой норы, именуемой Песчаным колодцем, — в северном Эндерби, где Красная река впадает в море.

Когда-то там проживало племя пушистых серых кроликов. Смирные и кроткие, они любили рыбачить и были искусными корабелями². Никому они не причиняли хлопот и никто не обращал на них внимания. Но однажды всё изменилось.

² *Корабелы* — то же, что и кораблестроители.

Одни говорят, что вода в реке отравила их кровь. Другие — что они слишком глубоко зарылись в землю и разбудили древнее проклятие. Третьи винят во всём ведьм. Как бы то ни было, за какую-то ночь серые кролики из Песчаного колодца превратились в страшных злобных чудовищ.

Их нора тоже изменилась — оцетинилась металлическими шипами, которые вылезли из стен, словно ядовитые иглы дикобраза. Земля вокруг почернела и обуглилась. Красная река подле норы потемнела и стала источать зловоние. Звери, жившие в её водах и лесах окрест, либо умерли, либо навсегда утратили свой изначальный облик. Теперь прочие кролики называли Песчаный колодец Оскольчатый холмом — и старались держаться от него подальше. К несчастью, это их не спасло, потому что серые кролики вылезли из норы, с головы до ног закованные в железо. А ведь ушастый народ издревле остерегался этого металла, ядовитого для самой Богини!

Но кролики Песчаного колодца не просто плавили и ковали железо — они сроднились с ним, как будто оно проросло им под кожу, проникло в кровь, и глаза кроликов стали ржаво-красными. С помощью железа они изменили и других животных — тупоголовых гигантских крыс, которых использовали для перевозки грузов, и чёрных ворон из близлежащих лесов. Теперь в небе натужно скрипели стаи ржавых гарпий.

Когда серые кролики вырвались из Оскольчатого холма, то бросились истреблять всё вокруг, за что их и прозвали Пожиралами. Если они подступали к дверям норы, участь её обитателей была предreshена.